

РОЖДЕННЫЙ ПОБЕДИТЕЛЕМ

Р.Р. Низматуллин

Трагическое событие, которое случилось с моим отцом 7 июля 1991 года, как ножом разрезало мою жизнь на две части: до седьмого июля и после.

Трудно писать о человеке, который был мне не только отцом, но и большим другом. Все счастливые моменты жизни, связанные с нашим общением, осветить в этом коротком рассказе невозможно. Поэтому возьму на себя некоторую смелость поведать вначале о тех эпизодах его жизни, которые можно отнести к годам его молодости, когда он заканчивал аспирантуру в Казанском университете.

Чтобы прокормить свою семью, он чинил военным чинам трофейные немецкие приемники. В память о тех годах в нашей семье хранился приемник "Телефункен", который имел коротковолновые диапазоны (по тем временам неслыханная роскошь!) и служил нам верой и правдой долгие годы. Отец всегда говорил своим родителям: не беспокойтесь, я умею ремонтировать приемники и мы не пропадем с голоду.

Я родился 24 сентября 1947 года. Тогда мы жили на улице Кирова в доме 52. Квартира была маленькая. Дедушка, Шакир Шабанович, работал учителем татарского языка и литературы в 12-й школе и вместе с моим папой заготавливал летом дрова. Долгими зимними вечерами он топил печку, и я помогал ему подтаскивать дрова, которые были заранее заготовлены и заботливо уложены бабушкой и моим отцом в дровяном сарае.

Будучи шестилетним мальчиком, я хорошо запомнил фразу, которую он сказал маме и своим родителям: "Я не могу видеть, что окна нашей квартиры выходят на дворовую помойку. Обещаю, что рано или поздно я вас вывезу отсюда". Свое слово он сдержал, и когда мне исполнилось семь лет, наша семья переехала на площадь Свободы в общежитие КАИ, где папе с мамой предоставили комнату. А дедушка отказался переезжать с улицы Кирова. Они с бабушкой Халимой Хусаиновной так и продолжали жить около колхозного базара, вплоть до кончины деда в декабре 1972 года.

Наблюдая моего отца в его молодые годы, я могу сказать, что он всегда знал, для чего он пришел в эту жизнь и внутренне был готов принять ее вызовы. Более того, полагаю, что он обладал редким даром, который дан не каждому: умением принять наиболее верное решение в условиях недостатка информации. Он сам говорил мне, что чинил трофейные приемники без всяких там схем и деталей, которые в те времена было невозможно достать – больше по наитию; какой-то внутренний голос подсказывал ему, где затаился невидимый дефект, который нужно было найти. Часть «раскуроченных» приемников, которые починить было уже невозможно, служили источником радиодеталей. Перед войной он освоил азбуку Морзе, его хотели взять в школу шифровальщиков, но подвело слабое зрение.

В 1955 году у нас дома появился первый телевизор "Звезда" с открывающейся крышкой, отремонтированный отцом. К нам приходили многие знакомые и соседи, чтобы посмотреть кинофильм, который передавался в те годы первой казанской телестудией. Скоро мои родители получили от КАИ двухкомнатную квартиру в жилом пятиэтажном доме, расположенном во дворе пятого здания. Сейчас в этом жилом доме, выходящем своими окнами на улицу Большая Красная, находится детская художественная школа.

Жизнь в материальном отношении налаживалась, я учился в 3-й школе. С отцом мы виделись только по вечерам – он целыми днями пропадал на работе и приходил домой поздно.

В памяти сохранился эпизод, который характеризует его как неординарного и творческого человека. Наша семья летом отдыхала в деревне Ташевке, расположенной на правом берегу Волги. Там в летние месяцы моя мама работала врачом в пионерском лагере стройтреста, позднее на лето мы снимали домик у местных деревенских жителей. Затем мой папа проявил инициативу, и ряд преподавателей, работавших в КАИ и КХТИ, получили возможность построить дачи. По тем временам это было неслыханной роскошью, но, как мне рассказывал отец, во многом это стало возможно благодаря его инициативе и заботам моей мамы, которая лечила многих местных жителей, включая семью председателя сельсовета.

С деревней Ташевкой было связано много приятных воспоминаний, но особенно запомнился один поход на рыбалку. В 60-е годы в километре от правого берега Волги находились так называемые "плавни" – полузатопленные кусты, деревья, коряги, где водилась тогда в изобилии хищная рыба: окуни, судаки и щуки. Отец не особенно любил сидеть с удочкой – он предпочитал активный способ ловли рыбы на спиннинг. Но поймать окуней и щук на спиннинг в "плавнях" было непросто: блесны постоянно цеплялись за кусты и коряги, скрытые под водой, и вся ловля порой заканчивалась потерей запасов всех захваченных с собою блесен. Поэтому большим искусством было найти среди полузатопленных кустов достаточно чистый участок воды, умело забросить спиннинг таким образом, чтобы блесна не зацепила корягу или куст, скрытый под водой. Среди рыбаков, которые славились искусством лова хищной рыбы в плавнях, особенно выделялся доцент КАИ Крылов Вячеслав Васильевич, которому удавалось поймать за несколько часов утреннего лова десяток окуней или несколько крупных щук. Отец, даже летом, отдыхал недолго – было много дел, связанных с кафедрой, институтом, и поэтому бывал на даче наездами. Он был наслышан о рыбацких успехах Вячеслава Васильевича и тоже решил попробовать.

И вот утро. Лодка – "дюралька" под мощью подвесного мотора "Москва" устремляется к плавням. Ищем промоину, первый папин заброс – и вот уже окунь, топорща жабры, бьется на днище лодки. Второй заброс – и вновь удача! Второй окунь, чуть крупнее первого, становится нашей добычей. Третий заброс – блесна цепляется за корягу, и мы ее безвозвратно теряем. Следующий заброс – и вновь блесна, вцепившись своим трезубцем в корягу, лежащую на дне, теряется где-то в глубинах. Такой клев, а мы можем потерять весь запас блесен – обидно! Папа задумался на секунду и говорит: "Потроши окуней!". Не понимая, что он задумал, молча вспарываю им животы. "Осторожно, дай мне их плавательные пузыри", – говорит он. Теперь до меня доходит, что он задумал. Он привязывает плавательные пузыри к лескам, примерно в метре от грузила,

и вновь забрасывает спиннинг. Облегченная блесна не доходит до дна и играет блестящей рыбкой в лучах восходящего солнца. Есть удар! Щука, привлеченная запахом потрохов, заглатывает блесну и становится нашей добычей. Я никогда не видел своего отца таким азартным! Более десятка щук, множество окуней, несколько судаков были наградой за его оригинальную идею. Помню, Вячеслав Васильевич Крылов долго пытался узнать, как нам удалось поймать столько рыбы без существенных потерь блесен. Но этот секрет так и оставался долгое время оригинальной задумкой отца.

Другой эпизод был связан с тем, как мой отец на спор переплыл старую Волгу. Это было летом 1954 года. Тогда ее ширина была примерно один-два километра, но течение ее было быстрое, в некоторых местах оно образовывало воронки, которые легко затягивали неопытного пловца. Помню, в один из летних июльских дней мы всей семьей на весельной лодке пересекли Волгу с правого каменистого берега на левый, покрытый чистым речным песком, который удерживали своими корнями ивовые кусты, росшие тогда

в изобилии на отлогом берегу. Я не помню деталей спора, но вдруг замечаю, что мой папа, кажется, вместе с Николаем Николаевичем Ливановым и еще двумя мужчинами бросается в воду, а моя мама кричит им вдогонку: "Рашид! Что ты задумал? Зачем тебе это? Будь осторожен – плоты!"

Дело в том, что в то время Волга была судоходной рекой с быстрым течением и большую опасность для пловцов представляли собой плоты, тянувшиеся на многие сотни метров, которые могли затянуть под себя смельчака, задумавшего пересечь русло великой реки. Мама нервничала, настроение у нас испортилось, и мы решили возвращаться домой. Наших пловцов уже не было видно среди буксиров, тянущих за собой плоты, и речных пароходов. Невольно в голову лезло самое худшее... К счастью, все обошлось, и мы, вернувшись в Ташевку, застали отца в хорошем настроении, веселым, здоровым и невредимым. Как потом рассказала мне мама, он был хорошим пловцом, но кто-то из мужчин усомнился в этом, и в качестве доказательства он предложил на спор переплыть Волгу.

Он любил плавать, старался купаться в любую погоду, заходил в воду ныряя, стараясь проплыть под водой некоторое расстояние, чтобы вынырнуть уже где-то вдалеке от берега. Видимо, это обстоятельство и сыграло свою роковую роль в тот трагический день 7 июля 1991 года...

Мой отец очень любил высказывания известных людей и с удовольствием цитировал их в форме оригинальных застольных тостов многочисленным знакомым и родственникам, которые часто бывали в нашем доме. Особенно запомнились некоторые высказывания, которые я теперь сам часто повторяю: "Все победы начинаются с победы над самим собой"; "Деньги потерял – ничего не потерял. Честь потерял – многое потерял. Мужество потерял – все потерял"; "Ты сказал – я поверил, ты повторил – я усомнился, ты стал убеждать меня в этом – я понял, что ты лжешь"; "Никогда ни от чего не отказывайся, но никогда ни к кому не навязывайся"; "Наибольшую ценность имеют только те достижения, которые достигнуты лично тобой, ценой приложения твоих усилий".

Помню также, что он, став уже ректором КАИ, по воскресеньям любил гулять с профессором С.А. Альтшулером. От него он услышал древнееврейскую молитву, которую часто любил повторять: "Господи, дай мне силы, чтобы преодолеть те трудности, которые

я должен преодолеть. Господи, дай мне терпения, чтобы перенести те трудности, которые я преодолеть не в силах. Господи, дай мне толику мудрости, чтобы отличить первое от второго".

Я мог бы развить эту тему и дальше, но считаю, что даже эти высказывания помогают отразить особенности его цельной личности.

Он мог бросить вызов людям, обстоятельствам и выходить из сложных и критических ситуаций победителем.

Другой страстью его натуры были книги: со временем, став уже обеспеченным человеком, он много денег тратил на приобретение книг. Осталась большая подборка: "Жизнь замечательных людей", "Библиотека всемирной литературы", "Большая Советская энциклопедия", многочисленные словари и справочники. Наряду с собраниями сочинений классиков российской и мировой литературы центральное место в библиотеке отца занимали книги по физике, химии и математике, которые до сих пор не утратили своей значимости.

Он был волевым человеком. Когда понял, что курение мешает работе и создает лишние проблемы здоровью, сказал себе: "Все! Хватит!" – и с дурной привычкой было покончено. О деталях борьбы с этой дурной привычкой он позднее поведал на встрече со студентами КАИ, уже ахаясь на посту ректора. Когда студенты спросили его, как он бросил курить, он посвятил их в детали, которые я узнал только на этой встрече. "Когда я доставал сигарету, чтобы закурить, – рассказывал он студентам, – я спрашивал себя: кто сильнее: мое сиюминутное желание отравиться или моя воля, которая говорит мне твердое нет. После этого с курением было покончено".

Помню также, что он проявил недюжинную волю в борьбе со своим избыточным весом. Во время его ректорской деятельности, в силу ее специфики, он набрал избыточный вес. Когда он ушел с этого поста, то стал заниматься бегом трусцой, гимнастикой и пришел в норму. Обретение физической формы позволило ему распрощаться со многими хроническими болезнями, которые мучили его в те годы.

Став старше, я все больше убеждался в силе его интуиции и удивительном даре принимать верные решения в условиях ограниченной информации. Я не могу объективно судить о его управленческих решениях, принятых и реализованных им, когда он занимал посты заведующего кафедрой и ректора. Затрону лишь область его интуитивных предвидений, связанных с научной деятельностью. Он впервые в мире заговорил о физическом смысле производных и интегралов половинного порядка и их возможных приложениях. Тогда (в 60-е годы) это действительно было прорывом в новые области науки, включая его любимое детище – хемотронику, которой он посвятил многие годы своего научного творчества. Уже в 80-е годы, когда он отошел от руководящей работы, мы с ним долго обсуждали возможные направления научной деятельности, где мы могли бы совместно сотрудничать. Хотя наши области научной деятельности – импедансометрия, хемотроника, радиоэлектроника, с одной стороны, и статистическая физика, квантовая кинетика – с другой, были далеки друг от друга, тем не менее он высказал идею, которая изменила тему докторской диссертации, предварительно мною намеченную. Он поставил мне задачу найти физический смысл операции дробного интегрирования произвольного порядка. Удивительно, что на решение этой проблемы оказало влияние и благоприятное стечение обстоятельств – это первая серьезная научная

поездка за рубеж к профессору Эндрю Джоншеру (Великобритания, Чэлси-колледж, 1982 – 1983 гг.). Там я впервые познакомился с книгой Бенуа Мандельброта и фракталами. Оказывается, именно эти геометрические объекты, обладающие дробной размерностью, лежали

в основе понимания операции дробного интегрирования. Это понимание связи между фракталами и дробными интегралами позволило решить задачу, поставленную передо мной вначале на чисто интуитивном уровне моим отцом.

Потом последовали серьезные публикации на эту тему, приглашение во Францию, предложение написать совместную книгу с доктором Алэном Лё Мэотэ. Затем успешная защита докторской диссертации на тему: «"Физика" дробного исчисления и ее реализация на фрактальных структурах» в 1992 году, к сожалению, уже год спустя после трагической гибели отца.

Весьма примечателен также следующий факт. Мы впервые встретились с доктором А. Лё Мэотэ в 1990 году в Великобритании на конференции. И он очень удивился, увидев перед собой относительно молодого человека. Оказывается, он внимательно следил за публикациями моего отца по дробному исчислению и очень хотел познакомиться с ним лично. Велико же было его удивление, когда на международной конференции вместо маститого профессора Р. Нигматуллина он встретил его сына – тоже Р. Нигматуллина. Так мы

с Алэном Мэотэ и познакомилась. Эта встреча, косвенной причиной которой послужила научная деятельность моего отца, и совпадение наших имен, начинающихся с одной буквы, также оказала существенное влияние на мою дальнейшую научную судьбу.

Результатом нашей дальнейшей совместной деятельности с Алэном послужила работа над книгой: "Стрела времени и фрактальная геометрия", которая вышла в свет во Франции в 1998 году.

В предисловии к этой книге записано, что она посвящается профессору Р.Ш. Нигматуллину, который заложил основы физического понимания операции дробного интегрирования и дифференцирования половинного порядка и своими пионерскими работами вдохновил авторов на написание этой книги.

Я горжусь изданием этой книги. Хоть таким образом я частично исполнил свой сыновний долг и склоняю свою голову перед памятью этого великого человека, так рано ушедшего из этой жизни. Думаю, что он порадовался бы за успехи своего сына.

После его трагического ухода из этой жизни что-то оборвалось во мне и единственным утешением осталось служение науке, которая постоянно манит меня и служит источником жизни и вдохновения. Хочу закончить этот рассказ стихотворением собственного сочинения, которое родилось во мне в те трагические дни июля 1991 года.

ДОРОГОМУ ОТЦУ

Ты Солнцем был и людям грел сердца,
Дарил всего себя и что имел.
Держал судьбы удары, бился до конца,
Дерзать, мечтать и чувствовать умел.

Ты был стрелой, нацеленной вперед,
Рожден и призван – только побеждать.
Как ледокол ломал ты первым лед,
И слабости свои всегда умел скрывать.

Ты делал сам себя – всю жизнь, и каждый миг.
Как гладиатор шел – всегда готовый в бой.
Талантом и трудом своим величья, уважения достиг,
И я, твой сын, всегда горжусь тобой.

Река-владычица тебя к себе взяла...
Никто конца своей судьбы не знает.
Но тело мне она вернула, отдала,
Увидев, что моя душа страдает.

Теперь со мною будет тень твоя.
Душа и помыслы твои во мне теперь живут.
Каким ты был, таким и буду я ...
Пусть люди часть тебя во мне найдут ...

Июль 1991 г.